За сов. искусство — 1991 — 19 апр — Ленинград 19.04.91

Прокофьевс.

К 100-летию со дня рождения С. С. Прокофьева

Симфония против оратории

Можно не любить прокофьевскую музыку так, как люблю ее я, можно (допускаю) и вообще не любить ее, но нельзя современным ленинградским музыкантам не понимать величия Прокофьева и не поддерживать — в силу этого — усилий В. А. Гергиева как можно шире отметить прокофьевское столетие в Кировском театре. Думаю, что подобные усилия (как и аналогичные по отношению к Мусоргскому и Чайковскому) возвращают Кировской сцене положение национального театра, главного хранилища национального оперно-балетного достояния, а это не только желательно, но и необходимо, поскольку Большой театр, как мне кажется, почти прекратил ныне свое творческое существование.

Частью означенных усилий был концерт из произведений Прокофьева, который 9 марта дали оркестр, хор и солисты театра под управлением В. А. Гергиева. Исполнялись Шестая симфония и «Иван Грозный». Начну со второго. Как известно, оратория «Иван Грозный» была составлена А. Л. Стасевичем из музыки к одноименному фильму С. М. Эйзенштейна; известно также, что сам Прокофьев категорически отказывался делать из «Грозного» концертное сочинение. Слушая ораторию, убеждаешься в его правоте. Музыка в фильме длится долго, а здесь, на эстраде, она сжата, и в ней неизбежно концентрируется идеологический дух 40-х годов — по совести сказать, невыносимый сегодня. Это дух сталинского ампира, сталинской «государственности», и он, к несчастью, проникает во все поры сочинения благодаря литературному тексту С. М. Эйзенштейна и В. А. Луговского. А музыка в «Грозном» есть замечательная, я очень люблю «Океан-море», «Песню про бобра», «Лебедь», истовые прокофьевские страницы; не может не захватить батальная музыка; с волнением внимаешь диалогу композитора с русской оперной классикой: с «Борисом Годуновым» (царь и юродивый), с «Китежем» (подобна «Сече при Керженце», и, вместе с тем, обратна ей инструментальная сцена «На Казань»). Но сталинский соблазн «власти над историей» сказался и на музыке, она одномерно-победительна, подчеркнуто тверда в большей своей части.

Размах ее оперный (кстати, А. А. Тарковский считал «оперой» даже и сам фильм Эйзенштейна); не удивительно, что оперные оркестр и хор чувствуют себя здесь «в своей стихии». Превосходно пели О. Бородина, Н. Охотников; В. Лановой, читая текст, сумел увлечься и увлечь других — что еще остается делать актеру «в роли»? То же, в сущности, могу сказать и о В. Гергиеве. Если уж дирижировать сочинением, то сочинение нужно любить, «гореть» им, и мы уверены, что артист испытывает именно эти чувства. Энтузиазм исполнителей помогает нам, хотя — парадокс исполнительства! — ярче высвечиваются в «Грозном» те черты, о которых я только что говорил и которым никак не можешь ответить с радостью.

Но вот — чудо прокофьевское: рядом с «Грозным» зазвучала Шестая симфония. Подумать, что это сочинение и писалось почти одновременно с «Грозным». Человечнее, глубже, чище нет, по-моему, ничего в симфоническом творчестве Прокофьева. Нет ничего и печальнее и темнее у этого светлого композитора, у этого гениального дитя в русском искусстве. Чего стоят хотя бы тональные краски первой части, не говоря уже о ее щемящих темах, о звучании скрипок и гобоя и о возвращении гобойной темы на исходе финального карнавала. Смысл Симфонии, как я ее понимаю,— спасшаяся человеческая душа, ценность человека во времена гекатомб. Ошибаюсь ли я, или В. Гергиев понимает Симфонию так же? Сужу по знаменательным отличиям гергиевской интерпретации от некоего классического образца, а именно от интерпретации Е. А. Мравинского, под управлением которого Симфония в 1947 году исполнялась впервые (и не раз после этого). У Мравинского больше было мерного, мощного, эпичного; у Гергиева все мягче, свободнее, «тише». Первая часть необычно камерна, но не такова ли она и у Прокофьева, если инструментальные соло здесь так важны? Движение и гибкое и неторопливое во всех частях, включая финал; в финале словно бы уже с первых нот дирижер готовит нас к возвращению «печальных свирелей» из первой части... Мне очень по душе артистическая выдержка Гергиева, артистическая его тонкость и лиризм. Благодаря им Шестая симфония Прокофьева сделала на рецензируемом концерте то дело, которое она в широком масштабе делала в 40-е годы, стала противостоянием мажору «официальной» оратории. Шестая симфония и «Иван Грозный» написаны одним и тем же композитором, мы видим полноту и драматизм этого явления — «Прокофьев». Но с особой внятностью исполнители передали нам слово человечности, которое, что бы там ни было, всегда остается последним словом гения-музыканта.

Л. ГАККЕЛЬ,
доктор искусствоведения, профессор консерватории

На снимке: после исполнения «Ивана Грозного» — Н. Охотников, О. Бородина, В. Лановой, В. Гергиев, артисты оркестра отвечают на приветствия зрителей.

Фото Ю. ЛАРИОНОВОЙ